

**ОБРАЗЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ИСПАНЦЕВ И
РУССКИХ**

(Проблемы сопоставительного анализа)

Юрий Н. Караулов

Институт русского языка при Российской Академии наук

Мария С. Пуиг

Universidad Complutense de Madrid

RESUMEN

Análisis de algunos aspectos de la visión del mundo comparada, plasmada en la consciencia lingüística del hablante ruso y el español.

PALABRAS CLAVE: campos asociativos, red asociativa verbal (RAV).

SUMMARY

Contrastive analysis of some aspects of world-model, inherent to the Russian and Spanish native speakers.

KEY WORDS: associative field, verbal associative network (VAN).

С развитием новых областей русистики – лингвокультурологии, теории языковой личности, ассоциативной лингвистики, – расширяются возможности сопоставительного изучения языков, обогащаются методы контрастивных исследований. Объектами сопоставления становятся фрагменты картины мира, национальные образы сознания, особенности менталитета и национального характера носителей языков. Вычленение таких объектов из континуума речемыслительной деятельности языковой личности может осуществляться на базе разных источников. Наиболее эффективными из них, по-видимому, являются два: тексты, представляющие собой *результат* речемыслительной деятельности, и ассоциативно-вербальные сети (АВС), отражающие предречевую готовность индивидуума, его текстовый *потенциал*. В данной работе анализируются материалы этого «второго источника», извлеченные из «Словаря Ассоциативных норм испанского и русского языков», составленного авторами настоящей статьи совместно с третьим соавтором – Г.А. Черкасовой в 1998-1999 гг. (108 стимулов, 600 ответов на каждый).¹

Ассоциативно-вербальные сети (АВС) характеризуются измерениями разной степени глубины и сложности, и их сопоставление можно проводить по всем измерениям. Объектом самой общей, можно сказать поверхностной, оценки двух АВС служит сплошное сравнение ассоциативных полей одноименных стимулов по составу и частоте первых двух реакций (стимул выделен полужирным шрифтом, ответы – через дефис, курсивом, с указанием частоты):

больной-	человек 104	здоровый 65	enfermo-	<i>hospital</i> 91	<i>cama</i> 48
быстро-	медленно 102	бежать 54	rápido-	<i>veloz</i> 48	<i>ya</i> 47
ветер-	сильный 67	дует 50	viento-	<i>aire</i> 96	<i>frío</i> 40
вечер-	теплый 51	утро 48	noche-	<i>día</i> 104	<i>luna</i> 60
война-	мир 96	смерть 85	guerra-	<i>paz</i> 165	<i>muerte</i> 49
враг-	друг 101	народа 38	enemigo-	<i>amigo</i> 82	<i>odio</i> 45

¹ САНЧЕС ПУИГ М., КАРАУЛОВ Ю.Н., ЧЕРКАСОВА Г.А. (2001): *Ассоциативные нормы испанского и русского языков*. Москва.

глупый- голова- гора-	человек 80 болит 67 высокая 71	умный 78 ум 48 большая 33	imbécil- cabeza- ontaña-	tonto 111 pelo 84 nieve 51	idiota 49 pensar 52 naturaleza 34
-----------------------------	--------------------------------------	---------------------------------	--------------------------------	----------------------------------	---

Уже предварительный обзор таких пар позволяет делать определенные заключения об особенностях восприятия образов мира испанским сознанием и сознанием носителя русского языка. Так, *снег* является для русских прежде всего носителем белого цвета, его символом, тогда как для испанца *снег* тесно связан с *горами*. *Голова* для испанского сознания ассоциируется с *волосами*, а у русского она прежде всего *болит*. Ответ *враг народа* в русском языковом сознании укоренен столь глубоко, что от этого понятия не удалось избавиться даже новым поколениям, представители которых были испытуемыми в этом ассоциативном эксперименте. Наиболее частое слово в ответах русских – *человек* является для русского сознания мериллом и носителем около 70 разных свойств, тогда как испанское *hombre* выступает в ответах гораздо реже и несет не абстрактно-обобщающий («планетарно-космический» – Н.В.Уфимцева) смысл, приближающийся для русских к местоименному «он», а передает прежде всего идею мужского начала (см. ниже), что естественно объясняется синкретизмом в ассоциативной статье двух присущих слову *hombre* значений: родового ‘человек’ и видового ‘мужчина’.

По поводу соотношения в каждой АВС частот первой и второй реакций можно сделать осторожное предположение: в испанском, как кажется, прослеживается тенденция к большему разрыву между ними (частота второй реакции в среднем в два раза меньше частоты первой), чем в целом в русской части словаря, где первая и вторая реакции (в среднем) сопоставимы по частотам.

Поспешный вывод на основании этого наблюдения, что испанская речь в большей степени тяготеет к использованию стандартных словосочетаний и конструкций, был бы, вероятно, неверен. Едва ли языки и, соответственно их АВС, могут различаться по степени стандартности. Кажущаяся меньшая

степень стандартности русских ответов компенсируется более широким использованием русскими прецедентных текстов, которые справедливо оцениваются, например, В. Клочковым, как элементы «ритуализованного дискурса»², т.е. по сути дела, как штампы, как общепринятые цитаты, а значит, элементы речемыслительного стандарта.

Другой тип анализа представляет собой пословное сопоставление одноименных ассоциативных полей двух языков. Так, проделанный подобным образом анализ для полей DEDO и ПАЛЕЦ показал, что в русском языковом сознании палец предстает как пациент, как пассивный «страдалец»: пятая часть из числа разных ответов на этот стимул называет действия «причинения вреда» пальцу или их последствия (*сломан, сломанный, сломать, ломать, ампутировать, обожгла, ожог, отрезала, отрубить, поранить, порезать, прищемить, раненый, свело, согнулся, ударять, уколоть, укусил за, укусить, уродливый, болит, больной, обрезал, порезанный, порезал, порезать*, а также *боль, игла, рана, беспальный, мешает, нож, перевязан, торчит*. В испанской ассоциативной статье эквиваленты этому перечню единичны (*llaga, herida*) и могут расцениваться как естественные, не выражающие никакой тенденции ассоциации. Идеей же, которая формулирует образ пальца в языковом сознании испанца, является его активная – указующая и обвиняющая – роль ($\approx 15\%$ всех ответов): *señalar, indicar, acusar, apuntar, indicador, indicación, señalador, acusador, apunta, acusación, rígido, culpabilidad, punto, señal, indicio, Marte* (из популярного в свое время фильма “Е.Т.”, где маленький инопланетянин, случайно попавший на Землю, указывает пальцем в небо и просится домой).

Это наблюдение могло бы остаться фактом, имеющим частное значение и касающимся только данного стимула, но

² КЛОЧКОВ В. (1998-1999): “Евгений Онегин” как потенциальный источник ритуализованного дискурса для русского языкового сознания: опыт одного эксперимента. В: *Rusística Española*, 8. Madrid.

представление об активном характере образов сознания носителя испанского языка, о восприятии испанским сознанием мира как такого, в котором определяющая активная роль принадлежит самому человеку как действующему субъекту, а не внешним силам неуправляемой стихии, поддерживается и другими фактами. Так, в том же ассоциативном поле DEDO палец выступает как инструмент, орудие и оружие, что не выражено столь же отчетливо в соответствующей русской ассоциативной статье: *escribir, pintar, tocar la guitarra, piano, violín, tacto, herramienta, instrumento, arma, bolígrafo, donuts* (спот телерекламы, где на вытянутый указательный палец падает с неба рекламируемый продукт), *guía, insulto* (неприличный жест: торчащий средний палец при всех остальных согнутых в кулак), *llama, manubrio, marcar, pistola poder, pulsar, rascar*. Идея восприятия мира таким, в котором активная роль принадлежит прежде всего человеку, а не внеположенной ему стихии, находит отражение и в сопоставлении структуры ядра языкового сознания испанцев и русских (см. ниже).

От пословного сопоставления одноименных ассоциативных полей естественно перейти к сравнению их семантических структур. Дело в том, что большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Так, семантический гештальт поля HOMBRE, при наличии совпадающих семантических зон, отличается от соответствующего устройства поля ЧЕЛОВЕК наличием зон, которые отражают мужское начало в испанском понятии ‘hombre’:

- *mujer*;
- *fuerza (a также fuerte, fortaleza, poder)*;
- *sexo (amor, varón, amante, masculino, marido, pareja)*.

В русском языковом сознании ‘человек’ – существо бесполое, он соотносится с *Богом, вселенной, людьми, народом,*

обществом, жизнью, он может быть умным, гордым, хорошим, злым, сильным и т.д. (еще более 60 разных качеств, но идея пола отсутствует).

Сравнение полей ДОМ и CASA - при совпадении в них ряда семантических зон (убежище, большой, семья) – обнаруживает большую развитость в русском сознании зоны 'родители', связанной с 'домом'. Испанское же поле содержит зону 'patria' (patria, pueblo, ciudad, aldea, tierra, vivir, montaña, trabajo, fuego), слабо представленную в русском образе сознания 'дом'.

Дальнейшее углубление анализа предполагает сопоставление ядра языкового сознания русского и испанского языков. Ядро языкового сознания носителей языка (А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева) складывается из тех слов (идей, понятий), которыми они чаще всего реагируют на самые разнообразные стимулы в АВС.

Состав ядра русского языкового сознания, определявшийся по методике А.А. Залевской (из обратного ассоциативного словаря были выбраны 75 слов-ответов, вызванных наибольшим количеством стимулов), взят нами из статьи Н.В. Уфимцевой "Русские: опыт еще одного самопознания". Этнокультурная специфика языкового сознания., М., 1996, стр. 142. Состав ядра испанского языкового сознания получен по той же методике из нашего испанско-русского ассоциативного словаря. Оба состава предлагаются в виде следующих таблиц.

Таблица 1. Ядро русского языкового сознания

ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов	ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов	ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов
1.	человек	773	26.	стол	259	50,5	солнце	199
2.	дом	593	27.	дорога	257	52,5	время	198
3.	нет	560	28.	мой	256	52,5	мальчик	198
4.	хорошо	513	29.	разговор	254	54.	машина	196
5.	жизнь	494	30,5	плохой	253	55.	зеленый	191
6.	плохо	465	30,5	идти	253	56,5	море	188
7.	большой	453	32.	мужчина	249	56,5	кино	188
8.	друг	410	33.	мир	248	58,5	муж	183

9.	деньги	367	34.	свет	246	58,5	нельзя	183
10.	дурак	352	35.	дерево	241	60.	город	182
11.	много	332	36.	я	239	61.	маленький	181
12.	радость	300	37.	долго	230	62.	ответ	180
14,5	дело	299	38.	парень	228	63.	черный	178
14,5	думать	299	39.	женщина	223	64.	девушка	177
14,5	все	299	40.	книга	223	65,5	боль	174
14,5	хороший	299	41.	счастье	216	65,5	товарищ	174
17.	день	290	42.	красный	214	67.	предмет	172
18,5	лес	289	43.	вода	212	68,5	домой	171
18,5	любовь	289	44.	очень	209	68,5	собака	171
20.	работа	288	45.	белый	208	70.	ночь	171
21.	говорить	287	46.	далеко	207	71,5	вместе	166
22.	быстро	279	47.	старый	206	71,5	ничего	166
23.	жить	273	48.	всегда	201	73.	хлеб	164
24.	есть	269	49.	он	200	74.	его	155
25.	ребенок	267	50,5	сделать	199	75.	путь	150

Таблица 2. Ядро испанского языкового сознания

ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов	ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов	ранг	ассоциат	кол-во вызв. его стимулов
1.	vida	92	26.	amistad	45	51.	lo mejor	33
2.	amor	87	27.	bonito	45	52.	mucho	33
3.	mi (mía,mío)	81	28.	feliz	44	53.	muerte	33
4.	azul	74	29.	necesario	44	54.	padre	32
5.	amigo(s)	69	30.	dolor	43	55.	mujer	32
6.	ser	64	31.	grande	42	56.	importante	32
7.	bueno	61	32.	negro	42	57.	calor	32
8.	luz	61	33.	miedo	42	58.	soledad	32
9.	casa	58	34.	nada	40	59.	sueño	32
10.	alegría	57	35.	ilusión	40	60.	agua	31
11.	todo	56	36.	trabajo	40	61.	ayuda	31
12.	siempre	56	37.	poder	39	62.	campo	31
13.	poco	56	38.	cariño	39	63.	familia	31
14.	bien	55	39.	malo	39	64.	mentira	30
15.	algo	55	40.	blanco	38	65.	gente	30
16.	felicidad	54	41.	libertad	38	66.	día	30
17.	paz	54	42.	nunca	38	67.	cosa	30
18.	necesidad	53	43.	mejor	37	68.	rojo	30

19. niño	52	44. sol	36	69. belleza	30
20. mal	52	45. vivir	36	70. cielo	29
21. yo	52	46. deseo	36	71. sí	29
22. esperanza	49	47. verde	35	72. difícil	29
23. no	47	48. agradable	34	73. mar	29
24. persona	46	49. querer	34	74. fuerza	29
25. tranquilidad	45	50. camino	33	75. libre	29
				76. hogar	29
				77. comer	29
				78. sentimiento	29

Формально списки испанских и русских слов, вошедших в ядро языкового сознания того и другого языков, характеризуются пятидесятипроцентным совпадением. Однако, их прямое сопоставление не позволяет получить каких-то значительных и интересных результатов. Поэтому нами был построен семантический гештальт того и другого ядра (табл.3,4) и таблица (5) корреляций семантических зон в двух гештальтах

Таблица 3. Семантическая структура ядра русского языкового сознания

(Названия зон даны по самому частому в иерархии слову)

1. Человек	2. Хорошо-плохо	3. Жизнь
друг	есть	жить
товарищ	нет	дорога
		идти
		путь
мужчина	большой	
муж	маленький	время
женщина		день
	хороший	ночь
парень	плохой	долго
девушка		
	все	дом
ребенок	ничего	мир
мальчик		город
	быстро	домой

я	много	собака
он	очень	
	далеко	стол
мой	старый	вода
его	всегда	хлеб
	вместе	
дурак	нельзя	
4. Деньги	5. Думать	6. Лес
дело	говорить	дерево
работа	ответ	свет
предмет	разговор	солнце
сделать	книга	море
машина	кино	
7. Радость	8. Красный	
любовь	белый	
счастье	зеленый	
боль	черный	

Таблица 4. Семантическая структура ядра испанского языкового сознания

(Названия зон даны по самому частому в иерархии слову)

1. Vida	2. Amor	3. Bueno-malo
ser	alegría	todo
vivir	agradable	algo
camino	lo mejor	nada
muerte		
	querer	siempre
paz	deseo	nunca
casa	sueño	
hogar	esperanza	poco
		mucho
comer	felicidad	
trabajo	feliz	bien
cosa	cariño	mal
	amistad	
	tranquilidad	no

	dolor	sí
	miedo	grande
		bonito
	sentimiento	mejor
4. Hombre	5. Azul	6. Poder
amigos(s)	negro	libertad
persona	blanco	libre
	verde	
padre	rojo	necesidad
mujer		necesario
niño		
familia	7. Luz	fuerza
	sol	importante
yo	día	difícil
mi (mío)	calor	soledad
	cielo	ayuda
	campo	
	mar	ilusión
	agua	mentira
	belleza	

Таблица 5. Сопоставление ядерных структур

русская	испанская	различия-совпадения
1. Человек	1. Vida	≈ 2. Жизнь
2. Жизнь	2. Amor	≈ 5. Радость
3. Хорошо-плохо	3. Bueno-malo	≈ 3. Хорошо-плохо
4. Деньги	4. Hombre	≈ 1. Человек
5. Радость	5. Azul	≈ 8. Красный
6. Думать	6. Poder	≈ 4. Деньги
7. Лес	7. Luz	≈ 7. Лес
8. Красный	8. Ø	↔ 6. Думать

В свете этих таблиц можно сделать следующие комментарии к структурам семантического гештальта ядер русского и испанского языкового сознания.

Семантические зоны в гештальтах того и другого ядра характеризуются определенным подобием. В обоих ядрах формируются зоны: жизнь, человек, чувства человека, оценка мира (хорошо-плохо), доминирующий цвет мира (красный vs azul), природа (лес vs luz). Различия касаются прежде всего иерархии жизненных ценностей. По важности ранговых показателей в русском на первое место выходит «человек» и «жизнь», в испанском соответственно «vida» и «amor».

Зона «человек» в русском устроена бинарно, ее состав распадается на пары: друг-товарищ, мужчина-женщина..., причем второй член пары всегда менее частотен (менее важен в иерархии), чем первый.

В испанском «hombre» бинарность не выражена, но отличительной особенностью состава этой зоны является идея (образ, понятие) личности (persona), которой нет в ядре русского языкового сознания. И это положение объясняется культурно-историческими особенностями развития русского общественного сознания: понятие личности в сознании говорящих оформилось в русском языке не раньше первой трети XIX века³, тогда как в испанском это связано с более глубокими традициями. Таким образом, если в русском «человек» – это абстрактная, безличная сущность, приближающаяся по своей всеобъемлемости к местоимению *он*, т.е. претендующая на охват всего мира в целом, то в испанском эта зона в ядре языкового сознания выступает под знаком *persona* – отдельная личность. Бинарная структура зоны «человек» в русском придает ей замкнутый, заверченный характер, согласуясь в диалогии П.П. Перцова⁴ с оценкой «русского» как «круглого», как «мира» - о, где «каждый за всех», в противоположность западно-европейскому «человек» - □, где пересечение линий символизирует принцип «каждый за себя».

³ ВИНОГРАДОВ В.В. (1995): *История слов*. Москва.

⁴ ПЕРЦОВ П.П. (1996): Введение в диалогическую культуру. В: *Популярность в культуре*. Канун. Вып.2. С-Петербург.

В испанском ядре над всем царит «vida», которая так же, как в русском, ассоциируется с *путем, дорогой*: *vivir* в соответствующей статье словаря связано с *andar*, которое не попало в испанское ядро, а *vida* с *camino*. Но в русском в понятие *жизнь* входит *время*, которое полностью отсутствует в испанском, так как *día* здесь скорее свет (*luz*), чем время (*tiempo*).

Бросающимся в глаза является различие в зоне эмоций (*amor* vs *радость*): в испанском представлен богатый набор (16 слов-понятий) индивидуализированных эмоций, в основном положительного содержания, характеризующих именно *личность* и характеризующих ее динамически, с позиций устремленности к желаемому, активности: *querer, deseo, sueño, esperanza, lo mejor*, etc. В русском с ними соотносятся всего четыре понятия, хотя и находящие свои корреляты в испанском (*радость-alegría, любовь-amor, счастье-felicidad, боль-dolor*), но представляющие зону эмоций, как статичную, как независимый от активности субъекта желательный результат, а не как динамически достигаемую цель.

Такая интерпретация зон эмоций согласуется с общей оценкой языкового сознания русских как такого, в котором предпочтение в понимании движущих сил жизни и мира в целом отдается не действующему в мире субъекту, т.е. человеку-личности, а стихии – внеположенным человеку и не контролируемым человеком силам⁵.

Продолжая сопоставление ядерных структур сознания, отметим, что в русском отсутствует зона *poder* (сила, могущество, власть). В испанском она связана со *свободой* и *необходимостью*, и развитость этой зоны и наполняющих ее понятий (*fuerza-сила, importante-важный, difícil-трудный*) еще раз свидетельствует об активной настроенности сознания, а *ilusión* (иллюзия, мечта) и *mentira* (ложь) возникают как реакция на осуществленное, но не давшее ожидаемого результата активное действие.

⁵ ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б.П. (1995): Русский национальный характер. ВФ 6.

Жизнь, как указывает Н.Д. Арутюнова, анализируя понятие “судьбы”⁶, феномен онтологический, а “*poder*” – концепт, исторически сложившийся в сознании людей и основанный на ощущении, что ход и исход нашей жизни зависит в известной степени и от нас самих (а не только от сценария, уготованного судьбой). Это активное отношение к жизни и судьбе не является доминантой русского языкового сознания. Примером того могут служить герои Достоевского, действующие всегда неконтролируемым образом, как будто они сами пассивны, а за них действует кто-то другой или что-то другое, какая-то другая, внешняя, сила. В этом – не раз отмечавшаяся исследователями особенность русского национального характера: не действия человека являются причиной изменений, а некая сила вне человека, стихия управляет его поступками и решениями.

В схеме противопоставлений двух ядерных структур в соответствии испанскому “*poder*” мы поставили *деньги* (в испанском ядре этого понятия нет), которые в русском сознании могут соотноситься с властью и могуществом. Как показывает Н.В. Уфимцева⁷, согласно данным «Русского ассоциативного тезауруса», *деньги* в русском языковом сознании «прежде всего *большие, бешеные, немалые, огромные; это зло, грязные; грязь, но без них никуда; мусор, но их не хватает, - с одной стороны, и ... счастье; жизнь; власть и свобода, с другой*. В структуре русского ядра зона *деньги* по своему составу довольно неопределенна, размыта.

Природу в испанском символизирует *luz* (свет), а в русском – *лес*. Это понятно: все восточно-славянские племена вышли из леса, *лес* и *дерево* ближе всего русскому человеку. Для испанского же сознания важны три «с»: *campo, cielo, calor* (поле, небо, тепло).

⁶ АРУТЮНОВА Н.Д. (1994): Истина и судьба. В: Понятие судьбы в контексте разных культур. Москва.

⁷ УФИМЦЕВА Н.В. Указ. соч. стр. 149.

Зоны оценок в том и другом ядре устроены примерно одинаковым образом. В них содержится часть бинарных шкал: *todo-nada, siempre-nunca, no-sí* и соответственно *все-ничего, нет-есть, большой-маленький*; и другая часть – из единичных обозначений одного конца шкалы (положительного, в том и другом языке): *grande, bonito, mejor* и *быстро, много, далеко, старый, вместе*. Здесь обращают на себя внимание в русском ядре три понятия, три идеи, отсутствующие в испанском: *быстро, старый, нельзя*.

Быстро: понятие быстрого движения, быстрого совершения действий близка русскому национальному характеру. На ум сразу же приходят соответствующие крылатые слова от Гоголя («И какой же русский не любит быстрой езды!») до Н.Фоменко («Чем тише едешь, тем меньше ты русский»). В произведениях Достоевского, с исключительной глубиной выразившего особенности «русскости», события совершаются с головокружительной быстротой, а само слово *быстро* входит в перечень самых частых, ключевых слов и сопровождается большим числом синонимов и аналогов: вдруг, внезапно, мгновенно, поскорей, торопясь, тот час, поминутно и мн. др.

Старый: в русском сознании это понятие заряжено положительным, в основном, смыслом, что объясняется преимущественной ориентацией русской культуры на традицию. Американское сознание, отражающее крайнюю «западную» позицию отдает безусловное предпочтение *новому*, которое для носителей этой культуры всегда означает *лучшее*. Говорят, что Генри Форд, отправляя в 20-х годах своих инженеров в Европу для овладения опытом лучших автомобильных фирм, напутствовал их словами: «Научитесь всему, кроме традиций». Прямо противоположную позицию выражает высказывание Конфуция: «Научиться – и повторять, повторять...- это прекрасно!». Русский взгляд на понятие *старый* представляет собой нечто среднее между крайне западной и крайне восточной точками зрения: одобрение и принятие старого при осторожном отношении к новому. Ср. пословицы и поговорки: Все новое и

новое – а когда же будет доброе?; Старый друг лучше новых двух; Новых друзей наживай, а старых не теряй; Что новизна, то кривизна; Новый кафтан крой, а к старому примеряй и др.

Нельзя: идея категорического запрета, укрепленная веками деспотизма, - царского, коммунистического, - очень сильна в сознании русского человека. Многие в общественной и даже частной жизни было *нельзя*, и лозунг диссидентствующей молодежи 70-х годов «что не запрещено, то разрешено» казался когда-то верхом вольнодумства, представлялся столь серьезным демократическим завоеванием, что даже была мысль включить эту формулировку в одну из статей ельцинской конституции. Над западно-европейским сознанием, в том числе испанским, при всей приверженности его к внутренней дисциплине и естественному следованию принятым нормам, никогда не тяготела идея всеохватывающих запретов. Скорее наоборот, его позиция по этому вопросу выражается формулами современных реклам: ¿Quién te lo prohíbe?, ¿Por qué no probarlo?

Аналогичным образом можно интерпретировать и другие одиночные, не имеющие антонимичной пары, составляющие зоны оценок: *далеко*, выражающей идею пространства, идею бесконечности российских просторов, а в языковом сознании русских передающей доминантную роль пространственных представлений перед представлениями временными – пространства перед временем; *очень*, которое противостоит *нельзя* и отражает отмеченное Достоевским свойственное русскому народу «забвение всякой мерки во всем». «Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении: дойдя до крайности, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой»⁸. Эта чрезмерность: выход за норму, аномалия находит отражение и в стиле Достоевского, в том большом количестве лексических единиц, которые обозначают крайнюю степень проявления чего-

⁸ ВЬШЕСЛАВЦЕВ Б.П. (1995): там же, стр.114.

либо: весь (покраснел, растерялся и т.п.), донельзя, чрезвычайно, в полном (смущении), в прах, в невероятном количестве, безграничный, самолюбия сумасшедшего, до крайности, в высшей степени, до последних пределов, решительно, необыкновенно, невероятный, совершенно, ужасно, дикий, невыразимый, самый неограниченный, самый безобразный, до ужаса, до кровавых слез, до несовместимости, до невозможности, до такого..., что, и т.д.

В русском ядре мы выделили восемь семантических зон, а в испанском их оказалось семь. Зона, которая не находит соответствия в испанском, названа *думать* по самому частому слову в этой группе из 6 лексических единиц. Это зона информации – «думать и говорить».

Ее наличие, с учетом особенностей русского национального характера, можно соотнести с отсутствием в русском ядре зоны активного действия *poder*: русский склонен скорее «думать и говорить», а не действовать. «Анализируя свойства русского ума, И.П. Павлов обратил внимание на то, что он «не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует».⁹

Отсутствие подобной информационной зоне в ядре испанского языкового сознания коррелирует с меньшей, чем в русской ассоциативно-вербальной сети, представленностью прецедентных текстов культуры. В русской АВС редкое поле не содержит отсылок к прецедентным текстам – произведениям литературы, искусства, архитектуры, музыки, кино, телевидения. В фиксированном в нашем словаре фрагменте испанской АВС упоминаний прецедентных текстов культуры оказывается на порядок меньше, чем в соотносимом с ним фрагменте русской сети.

Зоны цвета обнаруживают заметные расхождения в обоих языках: в испанском эту зону возглавляет *azul* (голубое небо, синее море), русский, согласно данным Н.В. Уфимцевой, отдает предпочтение *красному*. В испанском после *azul* самым часто

⁹ АРУТЮНОВА Н.Д. стр. 83

упоминаемым в ответах на анкеты цветом является *negro*. Может быть, точнее было бы сказать, что это не цвет, а отсутствие цвета и света, поскольку черный находится вне цветового спектра. Предпочтение черному перед другими составляющими цветовой зоны в ядре испанского языкового сознания вероятно объясняется культурно-историческими предпосылками: до сих пор в испанской деревне преобладающим цветом одежды жителей является черный.¹⁰ Таким образом, испанский триколор, т.е. три самых характерных цвета в испанской культуре, выглядит так: azul, negro, blanco. Русский триколор оказывается совершенно другим: красный, белый, зеленый.¹¹

Подводя итоги нашему эскизному очерку возможностей сопоставительного изучения образов языкового сознания испанцев и русских, мы можем заключить, что их сходства и различия выявляются на всех уровнях анализа АВС того и другого языков:

- при общей оценке по самым частым ответам испытуемых на одноименные стимулы;
- при пословном сопоставлении ассоциативных полей;
- при сравнении семантических гештальтов ассоциативных полей;
- при общем сравнении состава ядер языкового сознания;
- при сопоставительном анализе семантических гештальтов ядер языкового сознания.

Следует подчеркнуть, в заключение, что этот перечень аспектов сопоставительного анализа не является

¹⁰ Вспомним т.н. «черную живопись» Гойи последнего периода его творчества.

¹¹ Отметим, что по другим подсчетам на материале «Русского ассоциативного тезауруса», совпадающим с результатами анализа цветовой парадигмы русской живописи XIX-XXвв. и в русской литературе XIXв. русский триколор составляют: *белый, красный, зеленый*. (См., напр., Петров В.М., Шепелева С.Н. Спектральный мир Ф.М. Достоевского. Слово Достоевского. М., 1996.)

исчерпывающим. Его продолжение могут составить такие проблемы, как выявление степени мотивированности реакций в одноименных ассоциативных полях; сопоставление семантемных структур (= словообразовательных гнезд) в ассоциативных полях двух языков; определение степени стандартности ответов в ассоциативных полях и АВС в целом; определение доминирующих ассоциативных структур – предикативной или номинативной – в сопоставляемых языках; наконец, анализ ответов в каждом из языков.

Что касается последнего, то предварительная оценка фрагмента русской АВС в нашем словаре показывает, например, что отказы от ответов в 60% случаев принадлежит женщинам. Этот результат можно соотнести с оценкой “молчания”, как одного из принципов “женской стратегии” в коммуникации.¹² Он соответствует также подсчетам времени, в течение которого говорят женщины и мужчины: во всех коммуникативных ситуациях (в публичном общении, в общении через интернет, в общении мужчин с мужчинами, женщин с женщинами, как и в смешанном общении) мужчины говорят дольше и чаще, чем женщины.¹³

В заключение отметим, что подобного рода поиски на основе двуязычных ассоциативных словарей могут принести весьма интересные результаты, которые помогут глубже и вернее понять и сравнить мироощущение двух народов, выраженное в языке. Идеи и соображения, высказанные в настоящей работе, являются лишь началом пути, по которому можно пойти в поисках этих результатов.

¹² См., напр. MENDOZA-DENTON, N. (1995): *Pregnant Pauses: Silence and Authority in Anita Hill-Clarence Thomas Hearings.* – *Gender Articulated.- Language and Socially Constructed Self.* – N.Y., London. p.51-66. DONOVAN J. (1992): *The silence is broken. The Feminist Critique of Language.* London, N.York. p. 33-40.

¹³ LOZANO I. (1995): *Lenguaje femenino, lenguaje masculino.* Madrid.